

Дегтярёва Вергилия Станиславовна

ЭПИДИКТИЧЕСКИЕ СКАЗЫ Б. ШЕРГИНА: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается использование традиций древнерусского торжественного красноречия в языке сказа XX века. Здесь эпидиктическое наследие обретает новые черты и гармонично отражает языковые реалии уже нового века. Анализируется синонимичное использование эпидиктических канонов в тексте художественного произведения: композиционные и языковые средства, стилистическое оформление, эмоциональная направленность. Получены выводы о том, что эпидиктические тропы и фигуры выполняют жанрообразующую роль в сказовом повествовании.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 2. С. 309-311. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.37

В статье рассматривается использование традиций древнерусского торжественного красноречия в языке сказа XX века. Здесь эпидиктическое наследие обретает новые черты и гармонично отражает языковые реалии уже нового века. Анализируется синонимичное использование эпидиктических канонов в тексте художественного произведения: композиционные и языковые средства, стилистическое оформление, эмоциональная направленность. Получены выводы о том, что эпидиктические тропы и фигуры выполняют жанрообразующую роль в сказовом повествовании.

Ключевые слова и фразы: эпидиктический жанр; слово; лингвостилистический анализ; сказ; композиция; стилистический рисунок; изобразительно-выразительные средства языка; семантика; синтаксис.

Дегтярёва Вергилия Станиславовна

*Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, г. Москва
vs248@rambler.ru*

ЭПИДИКТИЧЕСКИЕ СКАЗЫ Б. ШЕРГИНА: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Эпидиктическое (торжественное) красноречие – один из двух ораторских жанров (как светских, так и церковных), расцвет которого на Руси приходится на XII век, а возрождение он переживет в XVIII веке (например, в творчестве Феофана Прокоповича). Сам термин относится к античной риторике, а его родиной является античная Греция [4, с. 76-77]. Каждая эпоха представляет собой благодатную почву для зарождения новой формы. Преображение древних жанров художественного текста всегда происходит на рубеже веков. Так, в 20-х годах XX века литература обратилась к древнерусским традициям и принесла необыкновенный плод, который и проявился в позднейший период. Эпидиктичность обретет возрождение в малом жанре эпической прозы – сказе. Ярче всего «жизнь» торжественного красноречия проявится в творчестве писателя Бориса Викторовича Шергина.

Цель данной статьи – исследовать использование традиций древнерусского торжественного красноречия в языке сказов Б. Шергина «Слово о Ломоносове» и «Слово о Москве» [9]. Достижению данной цели способствуют поставленные задачи: 1) обозначить роль эпидиктических канонов в языковом пространстве сказа; 2) выявить общие признаки таких языковых средств, которые образуют эпидиктический сказ как один из типов сказового повествования; 3) рассмотреть связи композиционных и языковых средств с жанровой характеристикой произведения.

При анализе сказового повествования мы пользуемся как литературоведческим, так и лингвистическим инструментом исследования. Литературоведческий анализ композиции и жанрового содержания дополняет лингвистическое описание языковых средств, которые и создают своеобразный «портрет» жанрообразования сказа. Именно такой подход имеет богатые традиции, ведь лингвостилистический анализ есть связующее звено между языкознанием и литературоведением [3, с. 24, 27].

Одно из основных направлений научного лингвостилистического исследования художественного текста есть бытование «нового» жанра. Традиционно тот или иной жанр отождествляется с литературой вообще. В начале XX века теоретики литературы замечали, что, например, роман как жанр литературы обмелечал [6, с. 160]. Однако здесь наблюдается интересная закономерность: малые эпические жанры, «похищая» средства и приемы романа, «торжествуют» в обновленной форме [Там же, с. 163]. И сказовое повествование иллюстрирует необыкновенные возможности жанрового «преображения». Описание же эпидиктического сказа требует обращения и к речевому стилю произведения, и к сюжетно-композиционной составляющей [7, с. 7].

Тематической и содержательной стороной эпидиктических сказов Б. Шергина является описание личности («Слово о Ломоносове») или объекта («Слово о Москве»). И здесь биографичность, или фактографичность, становится стержнем всего художественного текста: «Отрок, из одной топки жажды знания, презирая тысячи препятствий, за тысячу верст бежит в Москву учиться» [9, с. 391]. А семантическое и синтаксическое пространство сказового повествования собирает эпидиктические жанрообразующие элементы – реминисценции («житейское море – корабль жизни»): «Еще пасмурно, неясно, неустроенно было всё вокруг, но в туманных даях житейского моря ярко и призывно светил свет науки. Туда, не оглядываясь, управлял Михайло корабль своей жизни» [Там же, с. 393].

Традиционна в сказе и сфера охвата эпидиктического красноречия – либо общественно-политические вопросы, либо патетическая лирика. Произведения данного типа обозначали термином «Слово». Все подчинялось строгим канонам: от композиции и стилистического оформления до языка и эмоциональной направленности. В сказах Шергина название произведения настраивает на эпидиктический жанр: «Слово о Москве», «Слово о Ломоносове». Одновременно здесь мы имеем дело с таким приемом межтекстовой связи, как цитатное заглавие «Слово о...». Как художник слова поморский писатель в своем творчестве есть «первый художник», ведь язык сказа неистощим и оттенок его смысла многообразен. И «межтекстовость» сказа проявляется в конкретных словесно выраженных приемах [3, с. 74-75].

И если дидактическое или учительное красноречие являлось литературным ремеслом, то эпидиктическое красноречие всегда относилось к области совершенного искусства. Здесь есть всё: организация материала

и построение речи, желание увлечь-захватить слушателя и настроить его на «горние» сферы торжества. Все это требовало выучки, шлифовки, совершенства [4, с. 74].

Эпидиктические сочинения в композиционном плане делятся на три части: вступление, повествовательная часть, заключение [Там же, с. 75]. В эпидиктическом повествовании Б. Шергина архитектура сказа подчиняется древнерусской традиции.

1. Вступление содержит эффектный выход, открытие речи или темы, желание обратить на себя внимание и выразить истину: «Ум веселится, вспоминая Ломоносова. Радует мысль, соглядая его жизнь и дела. Любо говорить о Ломоносове, и, если я скажу звягливо и рогато, ты Расскажи чиновно, с церемонией» [9, с. 386]. В данном фрагменте Б. Шергин использует прием самоуничижения, традиционный для древнерусского книжника. Традиционность выражается неизменяемой наречной формой «звягливо, рогато, чиновно». В «Слове о Москве» пред нами другой приём реминисценции – гимнографический: «Что звенит, что поет утром рано, перед зорями? Жаворонок звонкий, в красные дни утеха, летит под синие облака, поет великую славу» [Там же, с. 371]. Описание передает отголосок богослужебных гимнографических текстов, где ключевыми являются номинации «хвала и слава».

2. Повествовательная часть – повествование о предмете речи, всегда лиро-эпическое по своей природе. Здесь есть и отступления, и пояснения, и комментарии автора: «Его уму – острому, живому, пытливному – всё вокруг казалось чудным и дивным»; «А Миша зачитал, будто с парусом по ветру побежал»; «Между тем, житье-бытье в школе было скудное и суровое. <...> А дома у отца нищим пирогами подавали» [Там же, с. 387-388, 392]. Подобные стилистические приемы уравнивают всю эмоциональную и экспрессивную тональность, передавая «ведение речи» рассказчику. Ведь удельный вес слова «от автора» невелик, в основном сказ разворачивается в диалогическом речеведении.

3. Заключение в жанре торжественного красноречия всегда оканчивается либо молитвой, либо похвалой, обращенной к читателю или слушателю. Б. Шергин здесь тоже верен традиции: «Перед смертью... говорил: Не тужу о смерти, дети отечества вспомнят обо мне и пожалеют... Удивительная была жизнь Ломоносова, прекрасно дело его жизни, незабываемы слова к русскому юношеству...

Что может собственных Платонов
И быстрых разумов Невтонов
Российская земля рождать!» [Там же, с. 416-418].

Композиционное заключение сказа абсолютно: «Слово о Ломоносове» начинается цитатным названием и завершается цитатой из «Оды на день восшествия... Елисаветы Петровны 1747 года» М. В. Ломоносова.

Лексические и синтаксические изобразительно-выразительные средства языка в жанре торжественного красноречия являлись устойчивыми формулами. На них-то и опирался автор, создавая уже свой текст. В «Слове о Ломоносове» и в «Слове о Москве» мы обнаруживаем новую жизнь древнерусских тропов и фигур: «Во дремучем бору рублена, на веселое место поставлена»; «грамотка-жалобница»; «городок, будто белка хвостом, лесом накрылся»; «белокаменная стала щитом и забралом всея Руси»; «любо уму»; «обзарились московские князья» и т.д. [Там же, с. 371-374]. Подобными определениями, приложениями, сравнениями, инверсиями украшен весь текст эпидиктического сказа.

Данной закономерности подчинена история развития русского литературного языка, когда под влиянием традиций одной эпохи складывается «языковой портрет» последующих поколений. В период расцвета эпидиктического жанра традиционно соблюдалось стилистическое единство, которое и формировало «нормативность» словоупотребления. Чуть позже в текстах просматривается разграничение: жанровое образование становится приемом, а к XX веку переходит в стилизацию [5, с. 133-136].

Стилистические приемы и средства тоже подчинены главному предмету: риторические обращения, вопросы, восклицания, метафоры, антитезы и повторы. И, конечно же, ритмический строй речи. Речь производит впечатление стихотворения в прозе (чередование синтаксических конструкций).

Восстает Москва – и внутренние обиды минуются.
Восстает Москва – сторонние страхи далече катятся.
Восстает Москва – и немецкая латыня ужасается [9, с. 372]!

Здесь просматривается ритмический рисунок, своеобразная переключка со «Словом огласительным...» Иоанна Златоуста:

Воскресе Христос и падоша демони,
Воскресе Христос и радуются ангели,
Воскресе Христос и жизнь жительствует [8, с. 143].

Если в «Слове огласительном...» Иоанна Златоуста роль анафоры выполняет аорист и имя: «Воскресе Христос», то в «Слове о Москве» анафорой является глагол и имя: «Восстает Москва». А вот эпифорой становятся возвратные глаголы *минуются*, *катятся*, *ужасается*, где «прячется» винительный падеж возвратного местоимения «себя» – «ся».

В «Слове о Ломоносове» гармонизация сказового речеведения определяется эмоциональной степенью: «Буря-непогодушка унесла его с родной сторонюшки» [9, с. 391]. В данном случае уже суффикс *-ушк* играет

ритмообразующую роль, и морфологические средства как ресурс стилистики вносят свою лепту в словесную композицию произведения. Не менее значимы и лексико-фразеологические средства в ткани сказового повествования: «Как пчела за медом, полетел Михайло в Киев. Но оказалась верна присказка: “Жернова говорят – в Киеве лучше, в Киеве лучше, а ступа говорит – што тут, што там; што тут, што там!..”» [Там же, с. 393]. Сочетание сравнения и олицетворения создает ту напевность и музыкальность фрагмента, по которой и узнается рука мастера слова. И Петербургскую академию наук Б. Шергин описывает подобно древнерусскому ви-тии, используя металогический прием: «Скупой немец посадил золотую рыбку науки у себя в пруду. Разумный ученик немецкою же сетью уловил эту рыбку и унес домой на развод» [Там же, с. 395]. Металогическая закономерность в пространстве сказа объясняется тем, что каждая культурная эпоха, переживая расцвет, всегда будет воздействовать на все последующие эпохи и усиливать свое влияние [1, с. 363].

Традиционно задачей лингвостилистического исследования сказового повествования является разработка общих для эпохи художественного произведения речевых средств композиции, которые образуют единую систему. Конечно, здесь рассматривается не группа художественных текстов, а общее для этой группы лексико-фразеологическое наполнение. Такой подход наиболее интересен при анализе жанрообразования того или иного сказа. Главным здесь становится структура художественного пространства как организующего начала. А вот закономерность бытования такого начала требует описания и систематизации [2, с. 69-71].

Систематизируя автологические и металогические закономерности сказового повествования, можно сделать вывод, что такие древнерусские жанры, как повесть, сказание, слово, в пределах разных сборников не обладали статичностью. Древнерусский памятник всегда был открыт для редактирования и дополнения. И языковые средства чутко «реагировали» на новые стилистические возможности жанра. Вот почему в поздний период жанры синтезируются, сближаются [5, с. 134]. И уже в жанре сказа мы наблюдаем в пределах одного текста, например, взаимодействие агиографического и очеркового жанра. Или жанр торжественного красноречия взаимодействует с биографическим (житийным) жанром. Таким образом, сказ становится «художественным построением в квадрате» [2, с. 45].

Все приведенные примеры являются иллюстрацией положения, что языковые средства есть составляющая того или иного жанра. И от места и приема каждого из средств зависит торжество «Слова».

Список источников

1. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии. М.: Русский путь, 2000. 608 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды: о языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
3. Горшков А. И. Русская стилистика. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2008. 543 с.
4. Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. 327 с.
5. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. 296 с.
6. Мочульский К. В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Водолей, 1999. 416 с.
7. Муценко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е. Поэтика сказа. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1978. 286 с.
8. Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковно-славянский язык. М.: Просвещение, 1996. 192 с.
9. Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания / сост., предисловие и примечание А. Д. Каплина. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 704 с.

B. SHERGIN'S EPIDICTIC TALES: LINGUO-STYLISTIC ASPECT

Degtyareva Vergiliya Stanislavovna

*Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism, Moscow
vs248@rambler.ru*

The article deals with the use of the traditions of the ancient Russian solemn eloquence in the language of the XX-century tales. Here the epidictic heritage acquires new features and harmoniously represents the language realities of the new century. The synonymous use of epidictic canons in the text of a literary work is analyzed: compositional and linguistic means, stylistic arrangement, and emotional orientation. Conclusions are drawn that epidemic tropes and figures fulfill the genre-forming role in the tale narration.

Key words and phrases: epidictic genre; word; linguo-stylistic analysis; tale; composition; stylistic pattern; expressive means of language; semantics; syntax.